

«Парабола власти» в современных русских прозвищах

Многообразие жизни определяет появление у человека прозвищ — «придаточных имен», позволяющих уточнить место, занимаемое человеком в социокультурном пространстве. Возникая на определенном этапе и нередко передаваясь «в род и потомство», прозвища нередко обрастают легендами и преданиями, которые через предков обосновывают статус бытия потомков и могут со временем перейти в устойчивые именования. Этот процесс «сгущения типического» в прозвище наблюдается и в современном языкотворчестве.

Являясь динамичным и разнообразным пластом онимикона, прозвища, с одной стороны, чутко реагируют на изменения в области материальной и духовной культуры, а с другой — соотносятся с уже сложившимися стереотипами национальной ментальности. В связи с этим определенный интерес представляет исследование особенностей преломления в прозвищах исторической памяти народа, а также восприятия современной действительности через призму прозвищных именовании, где немаловажной оказывается сфера «народ — власть».

В нашем случае базой такого исследования послужила картотека прозвищ, собранных в результате опроса и анкетирования жителей Оренбургской области в течение последних 18 лет (более 6,5 тыс. ед. хр.). Были системно обследованы 124 населенных пункта, некоторые корпоративные и камеральные прозвища собраны в районных центрах и городах. В ряде случаев, для отдельных коллективов, с промежутком в несколько лет проводилось повторное исследование, направленное на определение диапазона изменения системы. Такой подход позволяет не только выявить социальное и локальное «прозвищное» пространство, но и уточнить статус и механизмы порождения прозвищ [см.: Бекасова, 2003; 2010; 2014].

Прозвищные именования людей как носителей власти представлены в картотеке сравнительно небольшим сегментом (около 12 %). Анализ этих единиц свидетельствует о значительном историко-культурном

разнообразии имен-прототипов: от *Соломона* и *Тутанхамона* до *Барака* и *Путина*.

Разнообразна и мотивация прозвищ: от «схватывания» отдельных чисто внешних черт (*Гитлер* — за родинку под носом) до существенных характеристик (*Иван Грозный* — школьная техничка). При этом закономерно, что переход имени того или иного «властителя» в прозвище обусловлен универсальной (типичной) или существенной для определенного коллектива чертой его носителя — отсюда именованья типа *Железный Феликс* (не знающие жалости начальник управления и фельдшер в сельском медпункте), *Наполеон* (самый уважаемый человек в коллективе; напыщенный и самовлюбленный директор магазина), *Фурцева* (чиновница, успешно выстраивающая карьеру в мужском коллективе), *Брежнев* (человек с широкими густыми черными бровями; человек, не умеющий говорить) и др. Сопоставительный метод в сочетании с выяснением реальной мотивации позволяет рассматривать такого рода прозвища как результат мифологизации носителей «верховой» власти.

Напротив, представители более близкой и реальной «местной» власти получают «параболические» прозвища типа *Вождь* («злобный» начальник локомотивного депо), *Гадзилла*, *Горгона* («за умение делать гадости»), *Звонок*, *Пустобрёх* (за отсутствие дел, лживость и интриги) и т. п. Нередко мотивация прозвища приобретает черты некоего сказа, коррелирующего с развитием ситуации и развертыванием сюжета «на месте» (*Гуркалов*, *Заверюха*, *Ленин-Петька*, *Хозяин-Бомж с погребом* и др.). Как правило, подобные прозвища широко известны определенному коллективу и бытуют в усеченном или развернутом виде, соотносясь с рядом эпизодов, которые соединяют вымысел и реальность и нацелены на гипертрофированное обозначение существенных характеристик носителя прозвища.

В отличие от людей, обладающих властью, объекты власти наделяются соответствующими прозвищами в меньшей степени. Как правило, их круг ограничен идеей осуждаемого коллективом подчинения начальству: *Буржуйская Подпевала* (школьница, докладывающая обо всем учителям; секретарь начальника), *Всёшка* (по особенностям произношения первых слов типичной фразы-ссылки на вышестоящее начальство: «А всё ж таки надо спросить...»), *Подложка* (за преданность на грани подлости и рабства) и т. п.

Смена идеологических парадигм, как правило, не изменяет символу прозвищ, в том числе и в пределах присущих нашему обществу «метаморфоз» белого — черного, поскольку прозвище возникает с некоторым хронологическим зазором, позволяющим определить и закрепить типическое, универсальное и в принципе неизменное.

Таким образом, прозвища как явления определенного социокультурного контекста, передаваемого «из рук в руки» [Неклюдов, 2013], обладают определенной обработанностью и некой отстраненностью. Особенности переработки реальной действительности, преломления исторической памяти и их отражение в неисчерпаемой индивидуальности наименований человека дают основание утверждать, что народные прозвища, находясь на оси общечеловеческих ценностей, независимы от траектории падения или взлета власти и неизменно удалены от нее.

Бекасова Е. Н. Русские прозвища как отражение ментальности // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений : X Конгресс Междунар. ассоциации преподавателей рус. языка и литературы (Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г.). СПб., 2003. С. 293–303.

Бекасова Е. Н. «Прозывчивый народ» // Уральские Бирюковские чтения: культура и образование в регионах: история и современность : материалы всерос. науч.-практ. конф. (21–22 сентября 2010 г.). Челябинск, 2010. С. 358–366.

Бекасова Е. Н. Лексикографический потенциал прозвищ как этнокультурного феномена // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 164–166.

Неклюдов С. Ю. Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm>.